

УДК 94(47).082+94(47).083

**НЕОСЛАВЯНОФИЛЫ В БОРЬБЕ С РЕФОРМАМИ С. Ю. ВИТТЕ:
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УТОПИЯ СЕРГЕЯ ШАРАПОВА****М. Д. Сулов*

В статье рассматриваются экономические проекты идеологов славянофильского направления конца XIX – начала XX в. (неославянофилов), которые были выдвинуты в качестве альтернативы «перестройки» С. Ю. Витте. Показано, что эти проекты, основанные на идее «моральной экономики», патриархализме и преимущественном развитии кустарной промышленности, не удалось соединить с потребностью индустриализации страны. Поэтому первоначальный союз славянофилов с московскими промышленниками распался, и к 1905–1907 гг. они лишились общественной поддержки, как это показано на примере «кружка С. Ф. Шарапова».

Ключевые слова: славянофильство, утопия, «моральная экономика», «народный кредит», бонапартизм, С. Ф. Шарапов, С. Ю. Витте.

К 1890-м гг. в славянофильской среде сложилась своя концепция индустрии. Выработать ее оказалось особенно сложно, т. к. интенсивное развитие промышленности в России поставило идеологов перед необходимостью осмыслить происходящее и приспособить к нему ветшающую доктрину. «Классики» славянофильства мало интересовались вопросами народного хозяйства, но славянофилы второго поколения, 1860–1870-х гг., были активно вовлечены в дебаты об экономическом развитии России. И. С. Аксаков начиная с конца 1850-х гг. выступал защитником интересов московской буржуазии, купцов и промышленников, ратовавших за протекционистскую политику правительства. Он считал, что буржуазия является наравне с крестьянством частью «земли», поэтому ее социальная активность, предприимчивость, патриотизм и приверженность к старине являются залогом уникальности и мощи России. С другой стороны, по его социологической концепции, интеллигенция, исповедующая народные идеалы («общество») должна вести за собой «землю» [3, 163].

Так он закладывал идейный фундамент для альянса славянофилов с промышленниками и купцами Центральной России. Газета И. С. Аксакова «Москва» выражала преимущественно интересы крупной буржуазии, отстаивая протекционистскую политику против фритредерских мероприятий правительства, которое разработало (в 1867 г.) и в 1869 г. ввело новый тариф, значительно снижающий таможенные пошлины на ввоз. Более или менее схожую позицию занимали такие славянофилы, как Ф. В. Чижов и Н. А. Ригельман. Хотя не все они безоговорочно поддерживали протекционизм, но полагали, что славянофильство должно быть практической идеологией, способной дать ответ на экономические вопросы [8, 53–62].

Сотрудничество славянофилов с московской крупной буржуазией продолжилось и в 1880-х гг., когда И. С. Аксаков издавал «Русь», а С. Ф. Шарапов (1855–1911) был его постоянным сотрудником, пишущим на экономические темы. Сергей Шарапов, писатель и издатель ряда газет, был заметной фигурой в публицистике поздней имперской России. Он известен своей попыткой приспособить классическое учение А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина и других славянофилов 1840–1860-х гг. к новым реалиям. Так, в политике он выступал за полное самоуправление и федерализацию страны в рамках самодержавной монархии; в сельском хозяйстве Шарапов предлагал гармонизировать интересы помещика и крестьянина в кооперировании аграрного производства. Настоящая статья представляет собой анализ его представлений о промышленном развитии России в контексте эволюции славянофильства в конце XIX – начале XX в.

© М. Д. Сулов, 2009

* Статья представляет собой фрагмент готовящейся к печати монографии М. Д. Сулова «Правая ревизия славянофильства в конце 19 – начале 20 века: Кружок Сергея Шарапова».

Еще в 1884 г., когда Т. С. Морозов и Н. К. Крестовников основали Московское отделение Общества содействия промышленности и торговли, Шарапов был назначен его секретарем. Во время своей службы на этом посту Шарапов заработал прозвище «купеческий трибун», а Московское отделение Общества пережило период наибольшей активности [9, 68]¹.

В 1885 г. он начал громкую кампанию против польской текстильной индустрии и за преобладание в империи промышленности Центральной России. Летом 1885 г. Т. С. Морозов, владелец Никольской мануфактуры, направил Шарапова в Польшу для изучения своего главного конкурента и мер к «ограничению эксплуатации нас иностранцами»². По материалам, полученным в ходе этой поездки, в декабре 1885 г. на заседании Московской городской думы им был прочитан доклад «Почему Лодзь и Сосновицы побеждают Москву», опубликованный в «Руси»³. Шарапов утверждал, что текстильная промышленность Царства Польского, полностью «захваченная» немецким и еврейским капиталом, пользуется более низкими налогами и железнодорожными тарифами, более выгодными кредитными возможностями и дешевым сырьем, чем промышленность Центральной России⁴.

Рисуя картину триумфального наступления немецкой индустрии на Россию, докладчик подходил к мысли о необходимости незамедлительной государственной помощи центральному промышленному району, устранения экономических преференций для Привислинских губерний и восстановления внутренней таможенной черты, упраздненной в 1850 г. [10, 53-61] Этот доклад вызвал громкий резонанс среди московской и польской общественности, поскольку поднимал частный экономический интерес одной из группировок промышленников до уровня всероссийской задачи противостояния враждебному «германизму» [4, 189]. С «германизмом» предлагалось бороться следующим образом: ввести гербовый паспортный сбор с иностранцев (кроме славян или православных); специальный налог с иностранцев, проживающих в России больше года (с теми же исключениями); разделить территории Империи на три пояса. В пограничном поясе, включающем все Царство Польское, иностранцы не имеют право покупать недвижимость и основывать предприятия. Уже существующие фирмы будут выкуплены в казну в течение десяти лет. На остальной территории должен действовать ряд ограничений⁵.

Разгоревшаяся по докладу дискуссия заставила правительство создать в июне 1886 г. комиссию под руководством И. И. Янжула для изучения данного вопроса, которая в целом не подтвердила выводов Шарапова. Признавая польскую промышленность плодом трудов русской правительственной опеки и предлагая меры против «чрезмерного наплыва иностранцев» в Польшу, Янжул рекомендовал московским промышленникам вместо мечтаний о государственной поддержке больше заботиться о развитии своих рабочих [8, 161–162]. В ответ на это Шарапов опубликовал статью «Вопль московской промышленности», в которой он продолжал настаивать на введении дифференцированных таможенных пошлин для польских и московских фабрикантов и установлении покровительственного режима для последних⁶.

Одновременно он выступил на стороне фабрикантов в борьбе против законов о рабочих. После январской стачки на фабрике Т. С. Морозова правительство пошло на регламентацию труда на производстве: запрещался детский труд, ночная работа подростков и женщин. Законом 1886 г. устанавливались правила о приеме на работу, увольнении, штрафах и т.д. Московские предприниматели выступили за «свободу» труда, и, финансируемый фабрикантами (Н. Н. Коншиным, Д. И. Морозовым и А. Ф. Морозовым), еженедельник Шарапова «Русское дело», сделался их рупором. Хотя славянофил неоднократно призывал улучшить положение рабочих, обеспечивать их государственной пенсией при потере здоровья на работе⁷, его мысли о патриархальном покровительстве хозяина своим рабочим⁸ как нельзя лучше соответствовали интересам буржуазии. Поэтому Шарапов оказался застрельщиком гонений на фабричных инспекторов, и в частности, на Янжула⁹.

Назначение в 1887 г. И. А. Вышнеградского министром финансов по протекции В. П. Мещерского и М. Н. Каткова пробудило новые надежды дворянских и московских купеческих кругов на отмену либерального курса Н. Х. Бунге и на проведение более протекционистской политики¹⁰. После этого назначения Вышнеградский несколько раз принимал Шарапова, который надеялся с помощью министра повлиять на купцов и таким образом поправить кассу «Русского дела»¹¹. Однако вскоре выяснилось, что Вышнеградский продолжает линию своего предшественника и не склонен слушать рекомендации славянофилов.

Тем временем по поручению московских промышленников Шарапов включился в новую кампанию, направленную на получение в аренду Николаевской железной дороги. «Русское дело» начало печатать статьи о неэффективности казенного управления железнодорожным хозяйством. В своих статьях Шарапов утверждал, что собственником железных дорог должно быть государство, а распорядителями – частные компании на правах краткосрочных арендаторов¹². В той газетной акции особенно отличился сотрудник Шарапова К. О. Де Скроховский (де-Скроховский), журналист пан-славистских и славянофильских взглядов, разоблачавший «хищения» в Министерстве путей сообщения. В феврале 1887 г. один из номеров «Русского дела» был конфискован за его статью¹³. В начале ноября 1888 г. газете Шарапова угрожало закрытие. В телеграмме на имя императора журналист умолял царя защитить его от «происков путейцев»¹⁴. 9 ноября 1888 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой подготовил записку для императора об этом деле, в которой газету рекомендовалось закрыть за «дерзкие и неприличные выходки»¹⁵. Царь оставил дело без движения, но в феврале 1889 г. Министерство внутренних дел вынесло Шарапову третье предупреждение с приостановкой издания на полгода. Причиной на этот раз послужила критика проекта земской реформы¹⁶.

Оставшись без своего издания, Шарапов задумался о поступлении на государственную службу посредством С. Ю. Витте. Они были знакомы по крайней мере с 1885 г. Витте в то время был близок к славянофильским кружкам И. С. Аксакова и своего дяди Р. А. Фадеева [1, 17–37]. В 1885 г. Витте опубликовал в «Руси» статью «Мануфактурное крепостничество», в которой атаковал экономическую политику Бунге и призывал к протекционизму. Протекционизм, как он утверждал, нельзя применять безоговорочно. Россия, по его мнению, превращается из страны земледельческой в страну мануфактурно-земледельческую, что само по себе не плохо, но главная задача правительства теперь заключается в том, чтобы не допустить превращения русского земледельца в пролетария. Поэтому протекционистские пошлины надо сочетать со справедливым налогообложением и поддержкой кустарной промышленности. Кроме того, необходимо, чтобы промышленность обслуживала своими товарами преимущественно российских земледельцев и чтобы рабочие «не отрывались вполне от земли»¹⁷. Это была вполне славянофильская программа. Шарапов тоже придерживался идей протекционизма и даже автаркии. Так, «Русское дело» призывало «не пугаться таможенной войны с Германией», т. к. затруднение вывоза русского хлеба может только способствовать развитию внутреннего рынка («Неужели с лишком стамилионного населения страны недостаточно для правильного обмена? Неужели русскую пшеницу не могут съесть русские люди?»¹⁸), в то время как запрет на ввоз немецких промышленных товаров в Россию означает «окончательный подрыв» немецкой индустрии¹⁹.

В конце 1880-х гг. Витте несколько отошел от славянофильской партии под влиянием учения Ф. Листа и сотрудничал с «Московскими ведомостями» и «Русским вестником» В. А. Грингмута и Ф. Н. Берга, выдвигая более националистически и государственно ориентированные проекты экономического развития²⁰. Тем не менее, когда в 1891–1892 гг. вместе с Вышнеградским, М. Н. Островским и Грингмутом Витте вступил в борьбу с Министерством путей сообщения, славянофильская пресса поддержала их «партию»: экономический национализм был объединяющим фактором. В конце концов и Витте, и Шарапов считались последователями профессора политэкономии Киевского университета А. Я. Антоновича, сторонника национального обособления экономики²¹.

В 1892 г. Витте получил назначение на пост министра путей сообщения и в том же году – ключевой пост министра финансов. В январе 1893 г. Шарапов решил обратиться к Витте с просьбой назначить его на какую-нибудь должность²². Еще в 1889 г., когда Витте был директором департамента, Шарапов доверительно жаловался ему на неудавшуюся карьеру журналиста и сообщал о своем желании стать чиновником²³. В конце 1892 г. славянофил опубликовал ряд статей о финансах в «Гражданине», которые показались Витте интересными, поэтому уже в феврале 1893 г. Шарапов получил должность чиновника по особым поручениям при Министерстве финансов²⁴. При этом он продолжал сотрудничать с московскими промышленниками, выступая в качестве «московского консула при петербургском правительстве». Например, этот «консул» передавал копии секретных журналов министерских комиссий своему покровителю Д. И. Морозову²⁵.

Из-за разногласий по вопросу о денежном обращении, а также из-за того, что скромная должность делопроизводителя не нравилась Шарапову, он сначала перешел в Министерство сельского хозяйства, а в 1896 г. вышел в отставку в чине губернского секретаря, чьи заслуги были отме-

чены орденом св. Станислава III степени²⁶. К тому времени сложилась его собственная программа развития промышленности в России, основанная на личном опыте хозяина деревенской мастерской.

Еще в 1878 г., когда, будучи молодым помещиком, Шарапов обосновался в своем имении в Смоленской губернии, ему пришлось восстановить кузнечную мастерскую и освоить кузнечное дело²⁷. Вскоре образовалась Сосновская мастерская по изготовлению сельскохозяйственных орудий труда, преимущественно плугов, сначала для своего хозяйства, а потом на заказ для соседей-помещиков²⁸. Но его сокровенным мечтанием было обеспечить крестьян дешевым плугом. Вскоре Шарапов разработал несколько моделей железных и деревянных плугов, доступных для крестьян по цене 6 рублей за штуку. Эти изделия выиграли бронзовую медаль на сельскохозяйственной выставке в Ярославле²⁹. Одновременно он подготовил сельскохозяйственные орудия для выставки в С.-Петербурге, где он получил много заказов для Сосновской мастерской³⁰. Крестьяне все же не торопились приобретать его плуги. Только после длительных переговоров первые образцы были куплены осенью 1883 г.³¹ Вскоре после этого обороты мастерской возросли за пять лет с 140 до 12 тыс. рублей, достигнув в 1890 г. рекорда в 30 тыс.³² Даже после тяжелого кризиса 1890-х гг. мастерская стоила 50 тыс., почти половину этой суммы составляла стоимость патентов, наград и привилегий. Всего Шарапов разработал оригинальные конструкции плугов, которые принесли ему 16 наград на всероссийских и международных выставках, в том числе 10 первых³³.

Эта инициатива была в духе тогдашних веяний «пасторальной волны», таких как «интегральный труд» П. А. Кропоткина [6, 23] и призывы А. Н. Энегельгардта основывать мелкие мастерские в деревне вместо крупных городских фабрик³⁴. В письме И. С. Аксакову Шарапов сочинил настоящую оду кузнечному мастерству, называя его не только экономической, но и высокоморальной деятельностью³⁵. Шарапов считал, что его личный опыт доказывает жизнеспособность кустарного производства в России, где промышленность должна только обеспечивать деревенское хозяйство всем необходимым, а не выдвигаться в качестве самостоятельного, а тем более главного сектора экономики³⁶. Иначе, как он замечал, промышленность подорвет внутренний рынок и «повиснет в воздухе»³⁷. Кроме того, он долго вынашивал идею развития ручного производства на селе, которое смогло бы конкурировать с западными заводами. Славянофил делал ставку на такой ресурс России, как свободный труд крестьян в зимнее время³⁸. По его представлению, уже существующие промышленные предприятия должны снабдить крестьян компактными и дешевыми станками, передовыми технологиями, а также полуфабрикатами (например шарикоподшипниками), выступая тем самым в качестве центра рассеянной мануфактуры, посредничающей между деревней и рынком³⁹. Дешевая рабочая сила и усовершенствованные станки позволят, по его мысли, настолько снизить себестоимость продукции, что западным фирмам нечего будет делать в русской деревне. В результате небольшая мастерская, подобная предприятию Шарапова, будет обслуживать свой район, давая крестьянам первоклассную технику, повышая эффективность их труда⁴⁰. В целом же он полагал, что «фабрика не есть русский промышленный идеал», но поскольку фабриканты работают на военное могущество России, их «поддерживать необходимо, и мы будем их поддерживать»⁴¹.

Еще в 1870-х гг. народники называли кустарную промышленность единственно возможной в России формой индустрии, подчеркивая антагонизм кустаря и фабрики [5, 154–155]. Неославянофилы начала 1890-х ревизовали это представление, резонно полагая, что кустарная промышленность может сочетаться с фабричной промышленностью, осуществляя своеобразное разделение труда: крупное производство для обороны, кустарное производство – для своего народа, в первую очередь – для сельского хозяйства. С другой стороны, по мнению славянофилов, промышленники в России в отличие от других стран имели все основания быть подлинно патриотичными, так как их рынок сбыта – исключительно внутренний, а, следовательно, интересы народа и государства – это их интересы⁴².

Таким образом, Шарапов переформулировал идеологический базис конкордата славянофилов 1860–1880-х с московскими заводчиками и купцами. Он полагал, что «Чумазый [московский промышленник-купец] всегда стоит вместе с народной Россией, всецело носит ее дух, проводит ее воззрения, думает ее умом и чувствует ее сердцем»⁴³. Соответственно, задача публициста-интеллигента заключается в том, чтобы защищать купца от произвола бюрократии и «просвещать» его в духе славянофильства. Н. М. Чукмалдин, сибирский промышленник, представлял интересы «чумазых» в «Русском труде», указывая на свойственную им предприимчивость, добродетельность

и приверженность традиции. Он противопоставлял их складывающемуся типу рантье, «обрезающему купоны». «Нельзя забывать, – писал Чукмалдин, – что порою еще более непроизводительными, а иногда и вовсе неблагоприятными делами, вроде спекуляций на бирже и всяких головокружительных гешефтов, занимаются выдающиеся титулованные члены нашего передового сословия. Золотой телец выбирает своих жрецов не из одного сословия»⁴⁴. В предисловии к воспоминаниям Чукмалдина Шарапов восхвалял московское купечество: «Да полно такие ли уж были самодуры и кулаки эти вышедшие из крестьян капиталисты, как их нам рисовали? Это были просто деловые люди, но по-своему и честные, и отзывчивые, хотя немного и грубые...»⁴⁵. Впрочем, в 1890-х гг. попытка представить «по-своему честных» капиталистов в качестве представителей «земли», народа, выглядела гораздо менее убедительной, чем в шестидесятых, когда Аксаков создавал идейный фундамент сотрудничества славянофильства с буржуазией.

К середине 1890-х гг. схема «славянофильского народничества» и Виттевская модель государственно ориентированного капитализма оказались по разные стороны баррикады. Славянофильскую позицию в это время отстаивал ежемесячник А. В. Васильева «Русская беседа», где ведущим специалистом по экономическим вопросам был адвокат К. Ф. Одарченко, стоявший на левославянофильских, близких к народничеству позициях. В обширном исследовании «Народное хозяйство с точки зрения нравственности и права» Одарченко настаивал на том, что рабочий должен получать за свой труд столько, сколько достаточно для того, чтобы со временем самому стать хозяином дела, частным предпринимателем⁴⁶. Он считал необходимым избавить Россию от пролетариата, не препятствуя при этом экономическому развитию. Для этого каждый рабочий должен иметь земельный участок и устойчивые семейные и общинные отношения. Технические новшества должны были укреплять патриархальные порядки, поскольку передача электроэнергии на расстояние, по мнению Одарченко, позволяла не сосредоточивать производство в одном месте, а распределить его по частным мастерским. «Новый технический способ производства дает надежду, что со временем можно будет соединить все выгоды крупного фабричного производства с выгодами кустарно-домашнего»⁴⁷. В отличие от мелкого капиталиста, кустарь не находится в состоянии конкуренции с фабрикой, т. к. кустарю-земледельцу, который хочет с пользой провести зимние месяцы, лучше получить небольшой доход, чем вовсе его не иметь. Кроме того, домашний труд более приятный, чем фабричный. Кустарь может привлечь к труду и всю свою семью. Наконец, в отличие от капиталиста, движимого безграничной алчностью, кустарь по своей природе умерен и близок к «евангельским заповедям»⁴⁸.

Рядом с кустарным производством, утверждал Одарченко, должно существовать крупное промышленное производство, находящееся в руках земств. Они должны были приглашать «надежных капиталистов» или, по крайней мере, «образованных технологов, механиков, инженеров, сельских хозяев» для заведования производством, предоставлять им кредиты и контролировать их расходование⁴⁹. В идеале земская промышленность оберегает «общинные и артельные начала русской народной экономической жизни». Так, предприниматель заключает договор с целой общиной или артелью и допускает их представителей к управлению производством. Причем земство наблюдает за отношениями предпринимателей и рабочих, «иначе кто соединит артели безграмотных крестьян, кто научит их справедливым и полезным формам жизни?...»⁵⁰. Постепенно рабочие будут накапливать капиталы, становиться хозяевами производства, организованного капиталистом⁵¹.

Третьим элементом экономики в теории Одарченко являлось государственное хозяйство. Так, в руках казны должно быть почтовое, железнодорожное дело, часть горного, а также крупные фабрики и заводы⁵². Такая система, направленная на промышленное развитие «земли» и на обуздание капитализма, по мнению Одарченко, ближе всего соответствует христианскому представлению об экономике. В такой системе не будет места для спекуляции и стрижке купонов: земство будет устанавливать такой минимум процента на капитал, при котором капиталистам выгоднее весь капитал вложить в производство, а не в банки, а простые рабочие обеспечиваются дешевым кредитом. Постепенно произойдет более справедливое распределение богатств и рабочие сами начнут становиться капиталистами. При этом процент на капитал сольется с платой за труд, а доход предпринимателя станет обычным вознаграждением за труд. В будущем, полагал Одарченко, когда каждый производитель станет одновременно и потребителем, произойдет взаимозачет всех ценных бумаг и деньги фактически исчезнут. Принеся в торговый кооператив плоды своего труда, рабочий там же получит все необходимые для жизни товары⁵³.

Утопический проект Одарченко, сочетающий славянофильское неприятие капиталистических отношений, земский либерализм и социализм в стиле Э. Беллами, нашел поддержку в среде петербургских неославянофилов. Шарапов, например, называл работу Одарченко «прекрасным исследованием»⁵⁴. Особенно его прельщала попытка примирить необходимость современной индустрии с традиционным «народолюбием» и религиозными принципами славянофильства. В 1899 г. Шарапов опубликовал сочинение Одарченко «Приход и братство» в качестве особого приложения к «Русскому труду». В этой работе Одарченко скорректировал свою теорию в «славянофильскую» сторону: роль земств здесь играют церковные приходы. Автор говорит о необходимости поставить капитализм в лице «мироедов – ростовщиков и барышников», а также крупных фабрик и банкиров-спекулянтов под контроль церковных общин – приходов. Приходы будут предоставлять кредит, закупать на общие средства сырье для кустарей, устраивать склады, потребительские лавки, рабочие артели и «братства» – профсоюзы. Тем самым, помимо чисто экономических целей, осуществится христианская заповедь – «не давать в обиду сирого и убогого»⁵⁵.

Наиболее практическая и реализуемая часть этой утопии заключалась в организации дешевого кредита для населения. Еще в 1880-х гг. Шарапов обращался к этой теме, настаивая на более активной государственной кредитной политике⁵⁶. Служа в министерстве финансов, Шарапов под руководством Антоновича разрабатывал новый устав для Государственного банка⁵⁷, а также проект кредитных учреждений для сельского хозяйства⁵⁸. В новом уставе был пункт, за который Шарапов особенно ратовал, потому что он позволял Госбанку выдавать краткосрочные кредиты под ненадежное обеспечение, то есть для малообеспеченных широких масс населения⁵⁹. Однако как раз этот пункт противоречил программе Витте⁶⁰, так как Госбанк должен был регулировать денежное обращение и аккумулировать средства для индустриализации [1, 88], а не раздавать деньги направо и налево, как это предполагалось славянофильским планом «народной экономики».

«Народный кредит», по славянофильским воззрениям, должен был предоставляться крестьянам, а решение о выдаче должен был принимать приход. Предполагалось, что в приходе люди хорошо друг друга знают и приходское руководство может выдавать кредиты без залога с учетом только «доброй репутации» крестьянина⁶¹. В поддержку этого плана в 1898 г. «Русский труд» из номера в номер публиковал исследования по древнерусскому приходу, подчеркивая, что приходы выдавали ссуды, которые до определенного срока были бесплатны, «а по сроце – рост»⁶².

Параллельно предлагалось выдавать мелиоративные кредиты, за которыми будут наблюдать представители Госбанка. Тем самым банк примет на себя не только финансовую, но и «культурную», земледельческую функцию⁶³; он будет наблюдать за теми хозяйствами, которые он кредитует, и при необходимости назначать внешних управляющих⁶⁴. Выдвигался также план кредитования не отдельных крестьян или рабочих, а производственных коллективов, артелей, где гарантией является принцип круговой поруки⁶⁵.

Но для функционирования такой кредитной системы необходимо для начала три миллиарда рублей⁶⁶. Эта огромная сумма, в два раза превышающая весь бюджет Империи на тот момент, могла быть получена только при широкой эмиссии бумажных денег, после чего, закладные бумаги новых кредитных учреждений должны были циркулировать наравне с деньгами, обеспечивая расчетными средствами население⁶⁷. Естественно, что такая схема была несовместима с проводившейся финансовой политикой Витте.

В утопическом романе «Через полвека» (1902) Шарапов наглядно изобразил такую модель кредитной политики. В каждом приходе существует сберегательная касса, которая учитывает все сделки посредством чековых книжек. Например, заработав некую сумму, прихожанин кладет ее на свой счет, а придя в магазин, он заказывает товары и оплачивает их чеками из приходской сберегательной кассы. Если у кого-то нет достаточных средств для расчетов, то он легко может получить кредит, если за него поручатся уважаемые прихожане. Если человек попытается совершить мошенничество и приобретет товаров на большую сумму, чем у него есть на счету, он будет подвергнут всеобщему ostracismu и поставлен на грань голодной смерти⁶⁸. В такой системе «моральной экономики» благосостояние человека определяется не столько капиталом, сколько трудом, и в не меньшей мере «моральным имиджем», т. к. доступ к кредитам открыт только для человека с доброй репутацией.

Этот план во много напоминает утопию Э. Беллами «Глядя назад» (1888), которая была необыкновенно популярна в России [7, 135] и хорошо известна славянофилам⁶⁹. Разница, однако, су-

щественна: славянофилы пытались создать экономику, не противоречащую христианским заповедям, в то время как Беллами и другие социалисты были заинтересованы в экономической справедливости и равенстве. Иными словами, если у Шарапова количество средств на счете зависит от его добрых нравов, то у Беллами у каждого количество денег одинаково. Славянофилы верили, что правильная организация экономики устранил повод для алчности, ростовщичества и других пороков. Так, «Русский труд» писал: «Потребности кредитоваться истребить нельзя», поэтому если нет под рукой дешевого приходского или государственного кредита, то человек пойдет к ростовщику: «в том-то и дело, что борьба с ростовщичеством ведется не с того конца»⁷⁰. Профессор политэкономии Харьковского университета И. П. Сокальский, примкнувший к анти-виттевской группе Шарапова, писал, что государство, отдав кредитные учреждения на откуп капиталистам, бросило народ на произвол биржевой игры и развращающей спекуляции⁷¹.

В 1898 г. «Русский труд» публикует «Экономический сон» Шарапова, в котором он развивает альтернативную модель индустриализации России, основанной на преимущественном обеспечении сельского хозяйства, недопущении иностранного капитала, широком использовании государственных кредитов. Эта зарисовка начинается с того, что министр земледелия Ермолов приглашает заводчиков и дает им задание: в скорейшем времени снабдить всю Россию инструментами собственного производства и начать вывозить их за рубеж.

- Можно это сделать?

- ... Оно, конечно, можно... Но у нас материал дорог.

- Ну, с этим мы справимся. Я попрошу министра финансов освободить от пошлины нужный материал...

- Самое главное – недостаток капитала. Чтобы машина была дешева, нужно строить их огромное количество, нужно специализировать завод на одном предмете и все делать машинами. Такой завод обойдется минимум миллиона три рубля.

- Я говорил с министром финансов, и он обещает дать эти три миллиона в беспроцентную ссуду на 10 лет...

- Но вот что еще: ведь нужен запас материала, очень большой запас товара, нужны агента, реклама, словом, очень большой оборотный капитал.

- И это я предвидел. Вам будет разрешен облигационный заем процента за три... и его правительство возьмет пока за себя...

- Мы боимся за перевозку и продажу на месте...

- Я и это предвидел. До Гамбурга расходы по перевозке пока правительство примет на свой счет, т.е. вы будете уравнины с конкурентами.

- Думаем, что удастся исполнить ваше желание. А уж в Россию – то во всяком случае ни одной иностранной сноповязалки не пустим. (Занавес)⁷².

В конце 1890-х гг. Россия переживала бурный экономический рост и система Витте казалась единственно правильной. Но начало XX в. принесло экономический кризис, политическую дестабилизацию режима и невозможность сохранения бюджетного равновесия. Все карты были на руках у оппонентов Витте. В это время Шарапов регулярно издавал в Москве сборники статей, которые, чтобы избежать цензурных ограничений, накладываемых на периодические издания, называл «Сочинениями». Это изобретение оказалось удачным; Цензурный комитет подозревал, что эти выпуски фактически являются журналом, издание которого было ему запрещено, но ничего не мог поделать⁷³. Некоторые сборники выходили тиражом в 15 тыс. экземпляров; другие издавались дважды⁷⁴. Начиная с 1902 г. «Сочинения», яростно атакующие политику Витте, бесплатно рассылались всем предводителям дворянства, председателям земских управ и городским головам⁷⁵. Можно понять, каково было желание министра финансов избавиться от этого врага. По уверению Шарапова, в 1900–1901 гг. от Витте приходили люди, предлагавшие ему крупные суммы, а также умолявшие его вступить в контакт с министром финансов, который «осознает свою ошибку», но «ему надо помочь отступить благовидно»⁷⁶.

С. К. Эфрон, давний приятель Шарапова, утверждал, что агентом Витте в этом деле был князь М. М. Андроников, известный авантюрист и интриган⁷⁷. Витте косвенно подтверждал этот факт, говоря, что Андроников был «вхож» в его рабочий кабинет⁷⁸, и, видимо, предоставлял ему какую-то информацию о чиновном и придворном мире. В 1901 г. Андроников передавал Шарапову, что Витте видит в нем «выдающегося публициста» и охотно читает все его сочинения. В ответ

Шарапов писал в октябре 1901 г., что обозначившийся провал реформ Витте означает окончание анти-Виттевской агитации. Теперь его задача как публициста – наставить министра на путь истинный, а при «той страшной энергии и находчивости, которыми обладает Сергей Юльевич Витте», исправить его ошибки будет не трудно. Поэтому Шарапов согласился на встречу⁷⁹. В начале 1902 г. Андроников выступил посредником при свидании Шарапова с Витте⁸⁰. В апреле состоялось новое свидание, после которого Шарапов восклицал: «Мне не борьбу нужно было вести, а постараться повлиять в нужном смысле на самого министра»⁸¹. Витте, однако, не согласился с проектом Шарапова, поэтому речь шла не о союзе, а всего лишь о перемирии, которое Витте покупал тем, что назначил Шарапова председателем Совещания по машиностроительной промышленности и предоставил ссуду для открытия на основе Сосновской мануфактуры акционерного общества «Пахарь».

В феврале 1902 г. опять-таки при посредничестве Андроникова открылись заседания Частного совещания о нуждах российской машиностроительной промышленности. Шарапов в качестве председателя отстаивал идею, что для государства крупная и мелкая промышленность «одинаково дороги», и предлагал выработать закон, разрешающий создавать акционерные общества с небольшим капиталом, от 5 тыс. рублей. В своем выступлении он указывал на необходимость «создать меры, которые клонились бы к демократизации предприятий. Чем более уменьшатся стоимость акций и их количество, тем значительнее будут шансы на отсутствие злоупотреблений, ибо предприятие станет чисто местным, в самом ограниченном районе, где все друг друга знают»⁸². Он также предлагал разработать проект «получастного, полуказенного» Промышленного банка.

Другой темой совещаний был рабочий вопрос. Промышленники высказывались за отмену государственного надзора за производством, в частности ликвидацию фабричных инспекций, следящих за соблюдением законов о труде. В своей речи 19 февраля Шарапов предлагал создать на манер рабочих профсоюзов организацию «хозяев». В то же время он утверждал, что в России нет реальных противоречий между трудом и капиталом. «Наша промышленность должна быть построена... на союзе капитала и труда... России предстоит в этой области высказать, быть может, совершенно новое слово...» Поэтому «организация хозяев» должна быть не «боевой», а дружественной для рабочих, она должна давать возможность «мирно совещаться о нуждах промышленности, о ходе дел, где одинаково заинтересованы и труд, и капитал»⁸³.

В результате этих заседаний к концу 1902 г. было подготовлено 40 резолюций и подробный устав Промышленного банка, но правительство не дало ход делу⁸⁴. По сравнению со славянофильскими проектами 1890-х гг. речи Шарапова на Совещании представляют собою ревизию классического славянофильства, направленную на удушение рабочего движения, поощрение мелкой и средней буржуазии. В более поздних его проектах предусматривалось освобождение промышленности от государственной опеки. Например, в брошюре «Русская финансовая программа» (1905) говорится о неэффективности статистического управления промышленностью и предлагается фабрики, созданные на государственные деньги, передавать в аренду частным капиталистам⁸⁵.

Таким образом, принципы славянофильского сотрудничества с купечеством, заложенные аксаковской теорией «общества» и «земли», изменились. Если в 1880-х и даже 1890-х «общество» должно было защищать «землю» в лице «чумазого» от чиновных посягательств, то в экономической модели Шарапова 1902–1905 гг. государство должно было откровенно обслуживать интересы капиталистов, оберегать их от рабочих и от иностранных конкурентов. Стачечное движение 1901–1904 гг. отправило славянофильскую теорию «народной» экономики, которая по своей сути представляла собой род экономического цезаризма, на идейную свалку, т. к. на повестке дня оказалась «не защита дворянства от буржуазии, а защита всех имущих классов от рабочего класса» [2, 495]. В этих условиях старый союз славянофилов и московских предпринимателей приобрел черты экономического бонапартизма.

В 1905–1907 гг. Шарапов предстает уже как ярый противник рабочего движения. Его возобновленная газета «Русское дело» опубликовала в 1905 г. «Проект памятной записки фабрикантов, заводчиков и разных промышленников и торговцев средней России», в которой погромы связывались с рабочими выступлениями. Из этой инсинуации следовало, что «нравственный и умственный уровень наших рабочих» не позволяет даровать им права и преимущества особого «сословия». Более того, всякое улучшение положения рабочего будет означать перекладывание расходов на потребителя, т. е. на крестьянина, что противоречило крестьянолюбивым чаяниям славянофилов⁸⁶.

В 1907 г. он опубликовал под псевдонимом Лев Семенов политическую фантазию «Диктатор». Главный герой опуса, призванный успокоить Россию и направить ее на путь истинный, принял у себя делегацию рабочих. В своей речи диктатор настаивал на отсутствии в России противоречий между трудом и капиталом, призывал к их «любовному союзу». Заканчивается эта рацея так: «Прочь все эти ваши союзы, профессиональные организации и прочее!.. Вы, рабочие, – только ничтожная часть русского народа, и не вам распоряжаться судьбами России. Ваша сила – кучность, толпа. Но Россия еще вооружена, и армия цела. Патронов хватит, и вверх стрелять не будут». Затем диктатор обратился к фабрикантам с такими словами: «Будьте добры, сами, без принуждения, установите добрые распорядки...»⁸⁷.

Как видим, славянофильство дошло до пределов своих возможностей по трансформации в буржуазную консервативную идеологию. Однако после третьеиюньского переворота славянофилы изменили отношение к буржуазии. Победа партии 17 октября на выборах в Государственную думу третьего созыва означала для них крах надежды избежать парламентаризма. Поскольку политический парламентаризм и капитализм в представлении славянофилов вполне резонно ассоциировались друг с другом, постольку уже в 1908 г. в сиквеле «Диктатора» под названием «Кабинет диктатора» Шарапов гневно пишет: «В Москве (sic!) зародилась чуждая русскому духу и русскому народу (sic!) западная буржуазия, жаждущая политической власти, мечтающая о господствующей роли в России. Но где право этой буржуазии на господство? В чем ее национальные, политические или культурные заслуги?.. До сих пор ее государственные подвиги не выходили за пределы промышленного кулачества, спорта, сорения деньгами да грандиозного разврата...»⁸⁸.

Прозрение наступило, но слишком поздно... «По-своему честный» московский промышленник, предмет продолжительного ухаживания и надежды на уникальное сочетание патриархальности и предприимчивости, оказался главным могильщиком «России-богоносицы» и акционером парламентарной фирмы «Россия». Политический бонапартизм славянофилов никак не устраивал, поэтому после кратковременного очарования «диктатором», они начали поход против Столыпина. Это отбросило их в лагерь крайних правых, черносотенцев.

Очень символично, что идейное банкротство славянофильской модели экономики произошло в то же время, что и финансовое банкротство акционерного общества «Пахарь», учрежденного Шараповым на казенные деньги 14 июня 1902 г. Получение казенной ссуды от Витте имело огласку, и его репутация была испорчена. Из 15 тыс. экземпляров его очередного сборника «Сочинений» раскупили только одну тысячу⁸⁹. Редкий журналист упустил шанс поглумиться над «продажным публицистом». В печати он пытался оправдаться тем, что субсидия была ему «навязана», на самом деле, однако, он сам просил о ней через Андроникова у Витте⁹⁰. Какие бы ни были подлинные мотивы Шарапова: желание послужить на пользу России в качестве фабриканта, прорваться «в сферы» и заслужить внимание царя, решить свои финансовые проблемы, – Витте с легкостью его «переиграл», воспользовавшись возможностью избавиться от опасного врага.

«Пахарь» с уставным капиталом в 100 тыс. рублей должен был выпускать плуги и другую сельскохозяйственную технику на базе Сосновской плужной мастерской. План заключался в том, чтобы, заручившись поддержкой министра иностранных дел графа В. Н. Ламсдорфа⁹¹, разработать ряд плугов на экспорт в Южную Европу и Южную Америку⁹². Предприятие, однако, не было успешным. Продажа плугов шла медленно⁹³. Летом 1905 г. Шарапов через Андроникова просил у Коковцова о предоставлении кредита на 125 тыс.⁹⁴, но не получил, так как министр испугался огласки⁹⁵. В мае 1910 г. «Пахарь» был объявлен банкротом, его имущество продано с торгов и в полном составе куплено женой Шарапова А. И. Макарской за 5 тыс. рублей⁹⁶.

Итак, совместить принципы славянофильства с необходимостью индустриализации России оказалось невозможным. По своей сущности славянофильский проект – это реакция на рост рыночных, капиталистических, отчуждающих отношений, биржевых спекуляций, всесильного банковского капитала и выступлений пролетариата. Имея ту же цель, что и Витте – сделать военно-промышленный комплекс России равным ее статусу великой державы, славянофилы рассчитывали достичь этого такими мерами, как протекционизм, вплоть до автаркии, преимущественное развитие сельского хозяйства, кустарной промышленности и индустрии, обслуживающей аграрный сектор. Выдвигались разные версии «моральной» и «народной» экономики, в которой решающую роль играют церковные приходы и «земские элементы» в лице «истинно-русских», московских промышленников. Крах этих планов после революции 1905–1907 гг. и установления парламентаризма

показал, что нельзя бороться с капитализмом руками капиталистов. В условиях острой политической борьбы славянофильская модель экономики оказалась лишенной прочной социальной базы и служила лишь идеологическим оружием против Витте, а затем Столыпина в руках отдельных группировок в «сферах».

Примечания

- ¹ См.: Русское дело: еженед. газ. / ред.-изд. С. Ф. Шарапов. М., 1890. № 8. С. 1.
- ² Государственный Архив Смоленской Области (ГАСО). Ф. 121. Д. 533. Л. 19. (Письмо С. Ф. Шарапова к Н. П. Игнатьеву от 2.06.1885. Далее указываются только получатели писем Шарапова).
- ³ Голос Москвы: еженед. газ. / ред.-изд. Н. В. Васильев. 1885. № 263. С. 1.
- ⁴ Шарапов С. Ф. Речь о промышленной конкуренции Лодзи и Сосновиц с Москвою // Шарапов С. Ф. Сочинения. 2 кн. СПб., 1892. Кн. 1. С. 77–81.
- ⁵ Русь: еженед. газ. / ред.-изд. И. С. Аксаков. 1885. № 25 (особое прибавление). С. 29–35.
- ⁶ Морозов Т. С. и Шарапов С. Ф. Восток московской промышленности // Московских сборник из произведений М. Д. Скобелева, И. С. Аксакова, В. С. Соловьева, И. С. Аксакова, О. Ф. Миллера, А. А. Киреева, А. М. Кояловича, П. И. Аристов и др. / под ред. С. Ф. Шарапова. М., 1887. С. 191–201.
- ⁷ См. Голос Москвы. 1885. № 118. С. 1. (передовая); Об облегчении участи рабочих // Русское дело. 1890. № 5. С. 1.
- ⁸ Русский труд: еженед. газ. / ред.-изд. С. Ф. Шарапов. СПб., 1897. № 10–11. С. 14.
- ⁹ Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва: материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. СПб., 1907. С. 180–184; Русское дело. 1886. №28–29.
- ¹⁰ Русское дело. 1887. № 1. С. 6.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 121. Д. 534. Л. 134 (Письмо П. С. Лыкошину от 16.02.1887).
- ¹² См.: Русское дело. 1886. № 6. С. 1–2; Там же. № 32. С. 7.
- ¹³ ГАСО. Ф. 121. Д. 534. Л. 182 (Телеграмма К. О. Де Скроховскому, без даты).
- ¹⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 776. Оп. 1. Д. 24. Всеподданнейшие доклады за 1888 г. Л. 37.
- ¹⁵ Там же. Л. 32 – 32 об.
- ¹⁶ Там же. Журналы за 1889 г. Л. 7-11 об.
- ¹⁷ Витте С. Ю. Мануфактурное крепостничество // Русь. 1885. № 3. С. 17–19.
- ¹⁸ Русское дело. 1886. № 20. С. 3.
- ¹⁹ Русское дело. 1886. № 6. С. 6.
- ²⁰ См.: Витте С. Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист. Киев, 1889 и рецензию на это сочинение: Русский вестник. 1889. № 9. С. 328–337.
- ²¹ См.: Русский труд. 1886. № 26. С. 14; Шарапов С. Ф. Сочинения. Кн. 27. М., 1900–1905. Кн. 16. С. 65.
- ²² ГАСО. Ф. 121. Д. 535. Л. 138 (Письмо к С. Ю. Витте, без даты).
- ²³ Там же. Д. 539. Л. 112 об., 113 (Письмо к С. Ю. Витте, без даты).
- ²⁴ Там же. Л. 307 (Письмо В. Мещерскому от 20.02.1893).
- ²⁵ Там же. Д. 541. Л. 111. (Письмо Д. И. Морозову от 5.12.1893).
- ²⁶ Там же. Д. 1. Л. 25.
- ²⁷ Русское дело. 1890. № 8. С. 7–8.
- ²⁸ Русское дело. 1890. № 7. С. 7.
- ²⁹ Русское дело. 1890. № 9. С. 7.
- ³⁰ Русский труд. 1898. № 45. С. 6.
- ³¹ Русское дело. 1890. № 10. С. 7.
- ³² Русское дело. 1890. № 8. С. 8.
- ³³ См.: ГАСО. Ф. 121. Д. 796.
- ³⁴ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1956. С. 278.
- ³⁵ «Если б Вы знали, какая глубокая поэзия в этом деле. Приходит мужик, долго, долго смотрит плуг, переворачивает и ошупывает его, затем уносит. В этом плуге есть кусочек моей души. Я провожаю уходящего глазами и чувствую, что этот кусочек моей души оторвался от меня и слился со стихией... Простой кусок железа облекся в форму... я его творец, и эта форма и самая идея уходят далеко, иногда на самый конец России, и живут там неразрушима, долго, долго, создавая мне нравственное общение с неизвестными мне людьми». (С. Ф. Шарапов – И. С. Аксакову от 29 марта 1885 г.) // Русская литература. 2005. № 1. С. 163.
- ³⁶ Русское дело. № 40 (5 ноября 1905). С. 19; ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 555.
- ³⁷ ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 555.
- ³⁸ Программа Русской народной партии // Русское дело. 1905. № 36. С. 6.

- ³⁹ Русский труд. 1897. № 23–24. С. 3.
- ⁴⁰ Русское дело. 1907. № 5. С. 8.
- ⁴¹ Русский труд. 1897. № 3. С. 4.
- ⁴² Русский труд. 1897. № 9. С. 9.
- ⁴³ Русский труд. 1897. № 10–11. С. 13.
- ⁴⁴ Русский труд. 1898. № 3. С. 16.
- ⁴⁵ *Шарапов С. Ф.* Предисловие // *Чукмалдин Н. М.* Мои воспоминания. СПб., 1899. Б. п.
- ⁴⁶ Русская беседа: ежемес. жур. / ред.-изд. А. В. Васильев. СПб., 1895. № 3. С. 28.
- ⁴⁷ Русская беседа. 1895. № 4. С. 29.
- ⁴⁸ Русская беседа. 1896. № 3. С. 12–20.
- ⁴⁹ Русская беседа. 1895. № 4. С. 32.
- ⁵⁰ Русская беседа. 1896. № 4. С. 18.
- ⁵¹ Русская беседа. 1895. № 3. С. 34–36.
- ⁵² Русская беседа. 1896. № 4. С. 17–18.
- ⁵³ *Одарченко К. Ф.* Организация и задачи земского самоуправления. М., 1900. С. 152–153.
- ⁵⁴ Русский труд. 1897. № 17. С. 3.
- ⁵⁵ *Одарченко К. Ф.* Приход и братство // Русский труд. СПб., 1899. № 2. С. 14–15. (особое приложение).
- ⁵⁶ *Шарапов С. Ф.* Министерство земледелия и его задачи в России. М., 1882. С. 21, 31; Русь. 1880. № 57. С. 15–16.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. 121. Д. 542. Л. 379 (Письмо к А. С. Суворину от 14.12.1894).
- ⁵⁸ Там же. Л. 400а (Письмо к К. П. Победоносцеву от 12.02.1895).
- ⁵⁹ Русский труд. 1899. № 2. С. 21.
- ⁶⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3 т. Таллинн; М., 1994. Т. 2. С. 84–85.
- ⁶¹ Русское слово. 14.07.1900. С. 2.
- ⁶² Русское дело. 1898. № 33. С. 13.
- ⁶³ Русское слово. 17.07.1900. С. 2; Русское дело. 1890. № 6. С. 1; *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Кн. 26. С. 13.
- ⁶⁴ *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Кн. 25. С. 7.
- ⁶⁵ *Монигетти В.* Крестьянский кредит // Русское слово. 1900. 28 окт. С. 2.
- ⁶⁶ *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Кн. 18. С. 72–73.
- ⁶⁷ *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Кн. 14. С. 11; Пахарь: иллюстрированный сельскохоз. ежемес. / ред.-изд. С. Ф. Шарапов. М., 1906. № 7. С. 27.
- ⁶⁸ *Шарапов С. Ф.* Через полвека. Фантастический политико-социальный роман. М., 1902. С. 27–30.
- ⁶⁹ И. Ф. Романов и Шарапов писали свои утопии «Вечер черной и белой магии» и «Через полвека» как ответ на роман Беллами.
- ⁷⁰ Русский труд. 1897. № 22. С. 2–3.
- ⁷¹ Русский труд. 1897. № 26. С. 7.
- ⁷² Русский труд. 1898. № 44. С. 1–2.
- ⁷³ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1. Д. 494. Д. 3. Л. 1 об., 3.
- ⁷⁴ Русское дело. 1907. № 3. С. 8.
- ⁷⁵ *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Кн. 18. С. 85.
- ⁷⁶ Русское дело. 1907. № 2. С. 8.
- ⁷⁷ *Эфрон С. К.* Воспоминания о С. Ф. Шарапове // Ист. вестн. 1916. № 3. С. 736–737.
- ⁷⁸ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 366–367.
- ⁷⁹ ГАСО. Ф. 121. Д. 1013. Л. 5–6 (Письмо к М. М. Андроникову от 13.10.1901).
- ⁸⁰ *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Кн. 19. С. 51.
- ⁸¹ ГАСО. Ф. 121. Д. 1013. Л. 28 (Письмо к М. М. Андроникову от 06.04.1902).
- ⁸² *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Кн. 21. С. 41.
- ⁸³ *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Кн. 21. С. 36.
- ⁸⁴ Русское дело. 1907. № 5. С. 9.
- ⁸⁵ *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Кн. 26. С. 17–18.
- ⁸⁶ Русское дело. 1905. № 25. С. 9–10.
- ⁸⁷ *Шарапов С. Ф.* Диктатор [1907] // *Шарапов С. Ф.* После победы славянофилов. М., 2005. С. 122–124.
- ⁸⁸ *Шарапов С. Ф.* Кабинет Диктатора (Политическая фантазия). 3-е продолжение «Диктатора». М., 1908. С. 13.
- ⁸⁹ *Эфрон С. К.* Воспоминания о С. Ф. Шарапове. С. 742.
- ⁹⁰ ГАСО. Ф. 121. Д. 1013. Л. 28 об. (Письмо М. М. Андроникову от 06.04.1902).
- ⁹¹ Там же. Д. 1045. Л. 73 (Письмо к В. Н. Ламсдорфу от 24.06.1904).
- ⁹² Там же. Д. 1013. Л. 30 (Письмо М. М. Андроникову от 13.10.1902).
- ⁹³ Там же. Л. 74 (Письмо М. М. Андроникову от 28.03.1904).
- ⁹⁴ Там же. Л. 87 (Письмо М. М. Андроникову от 22.06.1905).

⁹⁵ РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 682. Л. 17 об. (Письмо М. М. Андроникову без даты).

⁹⁶ ГАСО. Ф. 121. Д. 546. Л. 90–98 (Письма М. М. Андроникову от 7.05.1910, 10.05.1910 и 21.05.1910); ГАСО. Ф. 121. Д. 32. Материалы сосновской мастерской «Пахарь».

Список литературы

1. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 429 с.
2. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1958. Т. 18.
3. *Цимбаев Н. И. И. С.* Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 262 с.
4. *Шустер У. А.* Экономическая борьба Москвы с Лодзью // Ист. записки. 1939. № 5.
5. *Gatrell P.* The tsarist economy, 1850–1917. N. Y.: St. Martin's Press, 1986. 288 p.
6. *Kropotkin P.* Fields, factories and workshops, or, Industry combined with agriculture and brain work with manual work. N. Y.: B. Blom, 1913. 477 p.
7. *Kumar K.* Utopia and anti-utopia in modern times. Oxford, UK; New York, USA: Blackwell, 1987. 506 p.
8. *Owen T.* Dilemmas of Russian capitalism: Fedor Chizhov and corporate enterprise in the railroad age. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. 275 p.
9. *Puttkamer J. von.* Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905: Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutionellen Ordnung. Köln: Böhlau, 1996. 506 s.
10. *Trice T.* Sergei Fedorovich Sharapov (1855–1911): Reactionary Russian publicist. MA and PhD Thesis. Louisiana State University, Baton Rouge, 1987. 198 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2009